

Минибаева Светлана Винеровна

ЭМОТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА)

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме анализа текстовой репрезентации языковой личности. В этой связи рассматривается возможность моделирования говорящего субъекта, причем акцент сделан на эмотивной составляющей языковой личности. Выбор эпистолярного жанра обусловлен тем, что в текстах писем триада "автор - образ автора - читатель" теряет одну составляющую - образ автора - и перед нами предстает реальная личность писателя, моделирование которой и есть суть нашего подхода к тексту.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 1. С. 140-143. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

STRUCTURAL-SEMANTIC PECULIARITIES OF PREPOSITIVE ISOLATED NOMINATIVE IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE

Mileiko Elena Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Ryzenko Yurii Aleksandrovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kuban State Technological University, Krasnodar
vladlena_mil@mail.ru; kafedrarus@list.ru

The article examines the grammatical nature of prepositive isolated nominative. Particular attention is paid to the syntactic status of prepositive isolated nominative, as well as to the issues of its differentiation and qualification. Basing on the results of the research, the authors conclude that prepositive isolated nominative forms two types of syntactic structures in the text: sentence (nominative constructions) and non-sentence (nominative of introduction, address).

Key words and phrases: prepositive isolated nominative; nominative sentence; nominative of introduction; address; vocative sentence.

УДК 81'42

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме анализа текстовой репрезентации языковой личности. В этой связи рассматривается возможность моделирования говорящего субъекта, причем акцент сделан на эмотивной составляющей языковой личности. Выбор эпистолярного жанра обусловлен тем, что в текстах писем триада «автор – образ автора – читатель» теряет одну составляющую – образ автора – и перед нами предстает реальная личность писателя, моделирование которой и есть суть нашего подхода к тексту.

Ключевые слова и фразы: эпистолярный жанр; образ автора; языковая личность; картина мира; эмоциональная картина мира; эмотивная составляющая; эмоциональное состояние субъекта.

Минибасева Светлана Винеровна, к. филол. н., доцент
Бакирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке
sveta.minibaeva@yandex.ru

ЭМОТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА)

Многие лингвисты стремились создать методику описания образа автора, язык которого является ядром лингвистической ткани художественного текста. Несомненным является то, что автор в художественном произведении не тождественен личности писателя/поэта, создающего текст. Так, Р. Барт [1] отстаивает тезис о пропасти между «автором в жизни» и «автором в творчестве». Г. О. Винокур считает необходимым дифференцировать при анализе художественного произведения «реальную личность автора» и «литературную личность» [6, с. 48]. «Чистого автора» и «автора-человека» различает М. М. Бахтин [2, с. 304]. Образ автора, по В. В. Виноградову, – «внутренний стержень, вокруг которого группируется вся стилистическая система произведения» [5, с. 92], «индивидуальная словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» [3, с. 151-152]. Образ автора отражает черты личности реального автора. В. В. Виноградов наметил в общих чертах структуру языковой личности и «силовые линии» взаимосвязи явлений внутри нее – от «внешних грамматических форм языка» к «более внутренним (идеологическим)», указал на собственно личность как синтезирующий момент [4, с. 62]. Итак, художественный образ автора не есть сам автор. Эпистолярный жанр в этой связи является той нитью, которая подводит нас не к художественной картине мира, а к реальной (насколько это возможно, учитывая координацию между сознанием и вербализацией мысли). Выбранный для анализа жанр построен на бинарности «автор – адресат», что позволяет утверждать: перед нами картина мира реального субъекта. Мы обратимся к одной из составляющих языковой личности – эмотивной, в связи с чем остановимся на эмотивных единицах и эмотивных смыслах.

В качестве источника языкового материала взяты письма А. П. Чехова, написанные им брату Александру Павловичу Чехову. В них отражается картина мира писателя, ибо в них нет осложняющей анализ триады «автор – образ автора – читатель». В письмах человек не надевает «художественную маску», поэтому существует возможность реконструировать эмоциональное начало языковой личности (как и языковую личность в целом). Эмоциональный настрой текстов во многом определен отношениями между братьями, согласием или несогласием братьев с поступками и взглядами друг друга.

Главным субъектом эмоционального состояния выступает автор писем – Антон Павлович Чехов; параллельно, фрагментарно представлены другие субъекты эмоций – это, прежде всего, адресат (брат Александр), а также третьи лица, только упомянутые в письмах (Н. А. Лейкин, тетка, сестра, отец и др.). В основе эмотивной стороны языковой личности А. П. Чехова – психологическая полярность «положительные – отрицательные эмоции». Положительные эмоции выражены эмотивами «счастье», «радость», «любовь» и др. С другой стороны – «тоска», «одиночество», «гнев» и др.

Текстовая реализация эмотивной модели часто ограничивается предложением. Так, радость вызывает литературное творчество Александра и его присутствие в жизни Антона Павловича: «*Пиши, пиши! Я часто думаю о тебе и радуюсь, когда сознаю, что ты существуешь...*» (4 января 1886 года) [7, с. 44]. Каузатор эмоционального состояния – *ты существуешь* – может быть интерпретирован следующим образом: существуешь как брат, существуешь как писатель. Повторение глагола в повелительном наклонении, заключенного в определенно-личную восклицательную конструкцию, усиливает эмоциональную экспрессивность анализируемого фрагмента текста. Настрой брата на серьезное литературное произведение также вызывает у Антона Павловича радость: «*Я рад, что ты взялся за серьезную работу. Человеку в 30 лет нужно быть положительным и с характером*» (10 мая 1886 года) [Там же, с. 66].

Отсутствие общения с братом по осознаваемой вине А. П. Чехова приводит к тому, что писателя мучает совесть: «*Не писал тебе и всё время был мучим совестью*» (13 мая 1883 года) [Там же, с. 20]. Синтаксически эмоциональное состояние облачено в страдательную конструкцию с предикатом – страдательным причастием в краткой форме. Выбор такой конструкции обусловлен необходимостью субъектно-объектной перестановки, за счет чего передается пассивность субъекта, свойственная эмоциональной ситуации. Временами невозможность переписываться вызывает у А. П. Чехова гнев, который, как он полагает (вероятно), по той же самой причине переживает и Александр: «*Ты, вероятно, сердился, что я тебе не пишу... Я тоже серджусь и по тем же причинам... Скотина! Штаны! Детородный чиновник! Отчего не пишешь? Разве твои письма утерjali свою прежнюю прелесть и силу? Разве ты перестал считать меня своим братом? Разве ты после этого не свинья? Пиши, 1000 раз пиши!*» (4 января 1886 года) [Там же, с. 42]. Эмоциональную напряженность передают следующие одно за другим восклицательные и вопросительные предложения, часть из которых являются номинативными, причем автор употребляет ненормативную лексику, что вновь служит передаче эмоциональной экспрессии, как и риторические вопросы. «Субъектная зеркальность» передаваемого эмоционального состояния говорит о душевной близости братьев.

А. П. Чехов признается в любви не только к брату, но и третьим лицам. Причиной любви является талант и цельность натуры: «*Он [Зембулатов], воспитанный на крепостном праве, враг крепостничества – за одно это я люблю его!*» (20 февраля 1883 года) [Там же, с. 20]. Приведенный фрагмент содержит не только указание на эмоциональное состояние субъекта – автора письма, но и на каузатор чувства, коим выступает идейное согласие. В письмах зафиксирована и ответная положительная эмоциональная реакция по отношению к Антону Павловичу: «*Как тать ночной, тайком, хаживал я к нему [Федору Федосеевичу Попудогло] в Кудрино, и он изливал мне свою душу. Он симпатизировал мне*» (между 15 и 28 октября 1883 года) [Там же, с. 26]. Употребленный глагол многократности (*хаживал*) позволяет зафиксировать временную протяженность действия, а метафорически организованный фразеологизм *изливать душу* передает духовную близость двух талантливых людей – А. П. Чехова и Ф. Ф. Попудогло (обратим внимание на то, что использована форма фразеологизма несовершенного вида, что снова говорит о длительности действия во времени).

Зафиксирована в письмах и ситуация вечного сомнения, недовольства собой, характерная для талантливого человека и заставляющая его работать с еще большей отдачей: «*Суворин, Григорович, Буренин... всё это приглашало, воспевало... и мне жутко стало, что я писал небрежно, спустя рукава*» (4 января 1886 года) [Там же, с. 43]. Неудовлетворенность своим творчеством передана через отрицательный эмотив, репрезентирующий максимальное по интенсивности чувство. Тут же придаточное изъяснительное, связанное с основной частью сложной конструкции причинно-следственными отношениями и содержащее указание на каузатор эмоционального состояния: *писал небрежно, спустя рукава*.

А. П. Чехов отводит большую роль слову как координатору эмоционального напряжения: жалкое, тоскливое слово способно породить только тоску, нежелание действовать; такому слову он противопоставляет слово сильное, способное принести человеку неоценимую пользу: «*И вот, вместо того чтобы поддерживать, подбодрить талантливого добряка хорошим, сильным словом, принести ему неоцененную пользу, ты пишешь жалкие, тоскливые слова. Ты нагнал на него тоску на полчаса, расквасил его, раскислил и больше ничего...*» (20 февраля 1883 года) [Там же, с. 15]. Автор писем ратует за слово, несущее позитивный настрой, и не признает права писателя на эмоциональный негатив.

В проанализированных письмах частотно употребление эмотива *счастье*, которое должно пониматься как деятельное, выстраданное, рожденное от духовной близости людей. Противопоставлено ему «ленивое счастье», которое А. П. Чехов не приемлет: «*А опиши ты... как пошел твой герой, довольный своим ленивым счастьем, как пошла твоя героиня, как она смешна в своей любви к этому подвязанному салфеткой, сытому, объевшемуся гусю...*» (20 февраля 1883 года) [Там же, с. 16]. Душевное удовлетворение от сытой и ленивой жизни вызывает у автора писем только смех. Страх непонимания человеческого счастья или радости другими людьми явственно выражен в письмах А. П. Чехова: «*Я бы и писем о своей отцовской радости не писал... Не поймут, а над манифестом посмеются – и будут правы*» (20 февраля 1883 года) [Там же, с. 18].

В письмах прослеживается стремление сохранить внутреннее эмоциональное равновесие, которого так недостает человеку. Основой такого состояния для писателя выступает семья: «*Это твоё гнездо, твоя теплынь, твое горе и радость, твоя поэзия, а ты носишься с этой поэзией, как с украденным арбузом, глядишь на всякого подозрительно (как, мол, он об этом думает), суешь ее всякому, ноешь, стонешь...*» (20 февраля 1883 года) [Там же, с. 17]. Семья для А. П. Чехова – это то, что нужно скрывать от постороннего взгляда, это поэзия жизни. В контексте по отношению к лексеме «семья» рождается ассоциативный ряд: гнездо – теплынь – горе и радость – поэзия. Такое возвышенное понимание семьи говорит о положительном эмоциональном настрое по отношению к ней.

Если семья требует уединения, то творчество, напротив, не терпит одиночества, оно губительно для него: *«Пишу это тебе как читатель, имеющий определенный вкус. Пишу потому также, чтобы ты, пища, не чувствовал себя одиноким. Одиночество в творчестве тяжелая штука. Лучшие плохая критика, чем ничего...»* (10 мая 1886 года) [Там же, с. 65]. По мнению Антона Павловича, невнимание к творчеству приводит к его гибели. Пережить одиночество в творчестве так же тяжело, как пристальное внимание посторонних людей к семье. Получается, что для русского классика семья и творчество – диаметрально противоположные по эмотивному содержанию понятия.

Часто эмотивное содержание письма связано с представлением отношений между членами семьи Чеховых. Например: *«Сестра любит тебя, но понятий никаких о тебе не имеет... Декорации, о которых ты пишешь, сделали только то, что она боится о тебе думать. <...> (Любовью ее не удивишь, ибо любовь без добрых дел мертва есть.) Она переживает теперь борьбу, и какую отчаянную! Диву даешься! Всё рухнуло, что грозило стать жизненной задачей... Она ничем не хуже теперь любой тургеневской героини... Я говорю без преувеличений»* (20 февраля 1883 года) [Там же, с. 18]. Подобно психологу, А. П. Чехов препарирует эмоциональное переживание своей сестры, находя сложнейшую борьбу любви и страха. Вставная конструкция есть выражение представления о любви самого писателя: признание любви действенной, создающей. Мы вновь видим излюбленный чеховский прием передачи эмоциональной экспрессии через ряд восклицательных предложений.

Сам Чехов пишет о чувстве братской любви к сестре Марии, семантически усиливая интенсивность описываемого чувства благодаря использованию наречия степени *горячо*: *«А, вероятно, потому, что я в ней не видел только “горячо любимую сестру”, как в Мишке, не отрицал человека, с которым следует обязательно говорить...»* (20 февраля 1883 года) [Там же, с. 18-19]. Общение для автора писем выступает наивысшим проявлением любви. Это связано с признанием активного чувства в противовес пассивному, которое не только не признавал А. П. Чехов, но и неоднократно смеялся над ним.

Из писем явствует, что Антон Павлович вызывал у чеховских домочадцев чувство зависти, о чем он знал прекрасно. Пожизненное соперничество на творческом поприще стало причиной зависти и Александра по отношению к младшему брату. Поэтому в письмах мы находим многократное использование предиката *завидовать* в повелительном наклонении с отрицательной частицей *не*. Вот один из таких случаев: *«Не завидуй, братец, мне!»* (13 мая 1883 года) [Там же, с. 22]. Зависть присуща, по мнению русского классика, всем газетчикам. Писатель квалифицирует зависть как болезнь: *«У нас, у газетчиков, есть болезнь – зависть. Вместо того чтобы радоваться твоему успеху, тебе завидуют и... перчику! перчику!»* (20 февраля 1883 года) [Там же, с. 20]. Эмотивы *радость* и *зависть* вступают в приведенном контексте в антонимические отношения.

Часто через назидательный тон, свойственный письмам А. П. Чехова Александру, высвечивается личность самого Антона Павловича, который раскрывает свое понимание законов жизни. Так, в следующем фрагменте мы видим, что А. П. Чехов не испытывает страха перед издателями и критиками, к чему призывает и своего брата: *«К чему этот страх перед конвертами с редакционными клеймами? И что могут сделать тебе, если узнают, что ты пишущий? Плевать ты на всех хотел, пусть узнают!»* (4 января 1886 года) [Там же, с. 43].

Письма А. П. Чехова содержат целый ряд синтаксических конструкций с использованием эмотива *любовь* и производных от него. Субъектом эмоции в проанализированных письмах является порядочный и любящий человек: *«Прости меня великодушно, но так обращаться с женщинами, каковы бы они ни были, недостойно порядочного и любящего человека»* (2 января 1889 года) [Там же, с. 150]. Любовь к женщине для А. П. Чехова связана с поэзией жизни: *«Приличие и воспитанность ты считаешь предрассудками, но надо ведь щадить хоть что-нибудь, хоть женскую слабость и детей – щадить хоть поэзию жизни, если с прозой уже покончено»* (2 января 1889 года) [Там же, с. 150-151]. Напомним, что поэзия жизни в письмах русского классика возникла в связи с упоминанием о семье. Как видим, поэтичность свойственна и отношению мужчины к женщине. Именно женщина выступает каузаторм рождения «эмотивной поэзии», называемой любовью.

Уважение к женщине рождается из двух составляющих личности человека – порядочности, или воспитанности, и любви: *«Человек, уважающий женщину, воспитанный и любящий, не позволит себе показаться горничной без штанов, кричать во всё горло: “Катя, подай урюльник!”...»* (2 января 1889 года) [Там же, с. 151]. А. П. Чехов не признает права мужчины на деспотичную любовь: *«Нельзя делать их [женщин] игрушкой своего настроения: то нежно лобызгать, то бешено топтать на них ногами. Лучше не любить, чем любить деспотической любовью. Ненависть гораздо честнее любви Наср-Эддина, который своих горячо любимых персов то производит в сатрапы, то сажает на колы»* (2 января 1889 года) [Там же]. Деспотичную любовь автор писем сравнивает с ненавистью и приходит к выводу о том, что второе по отношению к женщине честнее, а значит, более достойно человека. Такое представление о любви он вынес из детства, омраченного ужасом и отвращением от отношения отца к матери: *«Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать душой»* (2 января 1889 года) [Там же, с. 152]. В приведенном контексте приподнимается завеса над тем, как формируется эмоциональная картина мира: наблюдение за отношениями окружающих становится первой ступенью в ее формировании.

Анализ писем А. П. Чехова брату Александру показал, что писатель, во-первых, испытывает чувство счастья от общения с творческими, родными по духу людьми, в число которых включен и брат Александр; даже мысль о брате вызывает у А. П. Чехова радость. Отсутствие общения приводит к отрицательным переживаниям. Семья для него – гнездо, теплынь, горе и радость, поэзия. Такое возвышающее понимание семьи говорит о положительном эмоциональном настрое по отношению к ней. Во-вторых, в письмах А. П. Чехова

представлен образ ленной души, то есть души успокоенной, сонной, без бури страстей. По мнению писателя, это неестественно для человека. Будоражить душу призвано «дельное слово» литературного произведения. Поэтому талантливый писатель рождает в душах ответную реакцию – смех, радость и др. Личное человеческое счастье не должно быть публично: его не поймут. А вот творчество, наоборот, должно быть общественным. В нем нужно бояться одиночества, пустоты в общении. В-третьих, А. П. Чехов наполняет эмотив *счастье* своим окказиональным значением: счастье понимается как деятельное, выстраданное, рожденное от духовной близости людей. Такому счастью он противопоставляет медовое, ленное, вызывающее у него, как и у любого образованного человека, смех. В-четвертых, чувство зависти, окружавшее А. П. Чехова в семье, ведет к повторяющемуся повелительному *не завидуй*. И наконец, любовь к женщине для А. П. Чехова – это отношение, построенное на порядочности и воспитанности. Писатель не признает деспотичную любовь, которая с детства вызывала у него чувства ужаса и отвращения. Как видим, из эмотивной составляющей писем Антона Павловича Чехова рождается его психологический портрет, эмотивная составляющая его языковой личности.

Список источников

1. Барт Р. Избранные труды. Семиотика. Поэтика. М.: Наука, 1989. 244 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1979. 387 с.
3. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: ВШ, 1971. 240 с.
4. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Избранные труды. М.: Наука, 1980. 360 с.
5. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Издательство АН СССР, 1965. 256 с.
6. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М.: ВШ, 1991. 448 с.
7. Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1985. Т. 12. 448 с.

**EMOTIVE COMPONENT OF LANGUAGE PERSONALITY
(BY THE MATERIAL OF EPISTOLARY GENRE)**

Minibaeva Svetlana Vinerovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
sveta.minibaeva@yandex.ru

The article is devoted to the topical problem of the analysis of the textual representation of language personality. In this connection, the paper studies the possibility of speaker's modeling and the emotive component of the language personality is highlighted. The choice of the epistolary genre is stipulated by the fact that in the texts of letters the triad "author – image of the author – reader" loses one component – the image of the author – and readers face the real personality of the writer, whose modeling is the essence of our approach to the text.

Key words and phrases: epistolary genre; image of author; language personality; worldview; emotional worldview; emotive component; emotional state of subject.

УДК 811.161.1'37

В статье рассматриваются особенности концептуализации природного объекта «лес» и способы языковой репрезентации знаний о нем в русском языке на материале лексикографических источников. Проведенное исследование показало, что процесс концептуализации «леса» антропоцентричен, а в семантике лексических и фразеологических средств его репрезентации сохраняются элементы культурной информации древнеславянского периода.

Ключевые слова и фразы: лексема «лес»; концептуализация; лексикографический источник; словарная дефиниция; коннотация.

Наумова Елена Васильевна, к. филол. н., доцент
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
enpnaumova@lunn.ru

**ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРИРОДНОГО ОБЪЕКТА «ЛЕС»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ)**

Сегодня словарям как инструменту осмысления духовной жизни и культурного наследия этноса придается большое значение. По мнению Н. Ю. Шведовой, в словаре разворачивается картина мира так, как она существует в сознании носителей данного языка в исторической перспективе: общественные отношения, быт, национальные знания и умения, представления об окружающем мире, закрепившиеся социальные оценки и квалификации [17, с. 418].

За последнее десятилетие русская лексикография переживает «лексикографический бум», «лексикографический ренессанс» [9, с. 166], что обусловлено огромным информационным и национально-культурным